

Пресвятая Богородица, спаси нас!

ГОСТИНО, Богородское тожд

Газета Богородицерождественского храма г. Королёва

Храм создан в 1689 г. Разрушен в 1954 г. Возрожден в 2005 г.

Издаётся по благословению Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия

№5 (127), май 2019 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

«ТОЛЬКО ВЕРУЙТЕ...»

«Кто будет веровать..., тот спасен будет», и «если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему» (Мк. 16:16; 9:23), — сказал Господь.

— Какое счастье! Только веруй — и спасёшься!..

— Как, только веровать?.. Сиди себе спокойно, сложа руки, веруй и — спасёшься?! Если Господь такое значение придаёт вере, то что же за чудо такое, вера? И как она «работает»?

«**Вера... есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом**». Это — универсальное определение веры для всех случаев жизни, данное апостолом Павлом на все времена (Евр. 11:1).

Голодный человек. Чтобы утолить голод, он работает и на заработанные деньги приобретает пропитание. Он знает, ему обещано, что он получит ожидаемое, то есть деньги. И потом — пищу. У него договор с работодателем, как это видно в притче «О работниках в винограднике» (см. Мф., 20:1-16). Работники верили своему работодателю, что тот их не обманет.

Бывает, что человек очень хочет, но не может сразу найти себе работу. Но и о таких заботится Бог. В течение дня в притче хозяин виноградника несколько раз выходит и обретает всё новых и новых, «праздно» стоящих в ожидании найма. Наконец, в 11-м часу (12-тичасового рабочего дня) хозяин последний раз выходит и опять обретает несчастных, поскольку никто «не нанял их». Они не отчаялись, не ушли «с биржи труда», верили! И — были вознаграждены: «Идите и вы в виноградник мой, — услышали они, — и еже будет праведно, примите». То есть получите ожидаемое.

Неужели трудно догадаться, что люди, стоявшие весь день в ожидании заработка, не дремали, а напряжённо «осуществляли ожидаемое»? Они верили и молились!

Как часто приходится слышать на исповеди: «Чего только я не предпринял, чтобы выздоровел мой ребёнок! И к «бабкам» ходил, и к колдунам, экстрасенсам, психологам, врачам... и всё — зря. Только деньги потратил. Остаётся теперь одно: сесть и молиться!».

Человек даже не подозревает, что вышел на единственно правильное решение, и с него надо было начинать: и ребёнок давно был бы здоров, и родитель спасётся. Молитва как осуществление ожидаемого — единственный труд, имеющий ценность в глазах Бога. Это — работа веры.

— Да, но сеятель может и без молитвы посеять — и получить урожай. Инженер — создать машину, ракету, самолёт — и всё это будет работать и приносить пользу.

— И получать заслуженный хлеб насущный. Вся деятельность человека без молитвы подобна собиранию белочкой орешков

про запас в своё гнездо, чтобы не бедствовать зимою.

Человек же — подобие Божие. Бог ждёт от человека подобных Себе черт, деятельности, движения души: веры, молитвы и любви.

Парадокс: мы, верующие православные христиане, зачастую после утреннего молитвенного правила можем весь день, до позднего вечера не вспомнить о Боге. Помним о том, что любим: о детях, о жене (муже), как выйдем, правильно ли припарковали свою «ласточку» и т.д. В этом смысле мы мало чем отличаемся от белочки, язычников, атеистов.

Бог же нам говорит о вере.

Древние люди верили в Бога, но хотели говорить с Ним с высоты Вавилонской башни (Быт. 1:4), «на равных». Верили, что Он есть, но не доверяли Ему. Так договор «о мирном сосуществовании» составляют две стороны, не уверенные в своём превосходстве. До поры, до времени. Пока либо не полюбят друг друга, либо какая-нибудь из сторон, почувствовав превосходство, не нападёт на другую.

Поэтому вера никогда не бывает одна, сама по себе. Только совместно с любовью. В противном случае вера вырождается в суеверие, любовь — в самолюбление.

Там, где нет любви, нет по большому счёту и веры. Обычно мы называем верой ответ на вопрос: «Бог есть?» — «Есть». Значит, человек верит.

Но и бесы верят, что Бог есть. Ещё как верят! И ненавидят Его. Ну, хорошо, человек

любит Бога. Он знает, что нужно прочитать молитвенное правило. Прочёл. В уме щёлкает вспышка: «Дело сделано!». И сразу приступает к любимому занятию. Например, осуждение: «В каком красивом платье вчера показалась в обществе эта уродина N. Весь вечер кривлялась, все только и смотрели на её новое платье, ни на кого больше не обращали внимания, хотя в зале присутствовали по-настоящему достойные люди».

Вера — это не состояние души: не верил — и вдруг поверил, стал другим человеком. Ничего подобного! Как верил человек во что попало, так и продолжает верить: кто в «светлое будущее», кто в удачу и т.д. Вот если человек «увидел» Бога, открытие сделал такое, то это — победа. Он увидел, куда ему «грести» через «жизнейское море». Увидел маяк, Цель.

Теперь человеку надлежит направить веру свою к этой Цели.

Вера — это духовный локомотив души, осуществление ожидаемого. Любовь — горячее. Ожидаемое у верующего человека — Царство Небесное.

Об этом и говорит апостол Павел. Цель жизни верующего человека — осуществление того, что, уверовав, ожидает он и в каком направлении работает: быть рядом (хорошо, как можно ближе!) с Богом. О том же, кстати, просили Иисуса и братья Зеведеевы, Иаков и Иоанн, перед Его последним входом в Иерусалим (Мф. 20:23).

Так что в самом желании быть в вечности как можно ближе к Богу нет ничего зорного. Этого же хочет и Бог. И верит в это.

Согласие веры с любовью в душе человека удерживается его совестью.

Всё это — веру, любовь и совесть — мы видим и у Бога: Бог любит нас (опереживающей любовью, как любят родители ребёнка); Бог верит в наше спасение (с этой верой Он и пускает нас в земную жизнь); совесть, как она знакома нам, у Бога является Его желанием, Его Святою волей.

Беда только, что мы, православные христиане, иногда теплохладны к Его желанию, Его воле. По разным причинам, главная из которых — наша нелюбовь к Богу. Она проявляется через нелюбовь к ближнему, зависть, осуждение. От этого Бог предостерегает нас на каждом шагу.

Возможно, где-то в безвестной деревенской глубинке живёт человек, знакомый лишь с Евангелием. Зато он хорошо знает землю и трудно добывает хлеб свой насущный. Но если он живёт по совести, любит ближних и молится Богу, то можно не сомневаться: Бог с радостью примет его в Своё Царство Небесное, в жизнь вечную.

Настоятель храма
протоиерей Борис Куликовский

ПРЕКРАСНАЯ ДУША, МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

К 120-летию со дня рождения Ирины Алексеевны Комиссаровой-Дурылиной

В последний день ноября 1976 года в своем доме в Болшево скончалась пожилая женщина, внешность которой видевшие её впервые часто характеризовали для себя как «глубоко народную» или даже просто «деревенскую». Да и имя Бог ей дал неприметное, типично-среднерусское: Ирина Алексеевна. И вот, с уходом из жизни этой скромной 77-летней женщины, окончательно перелистнувшись колоссальная, до сих пор ещё недостаточно изученная страница истории российской культуры и духовности. Страница по имени «Сергей Дурылин». Священник, литературовед, поэт, прозаик, историк театра, этнограф, археолог, педагог, богослов и религиозный мыслитель, о котором митрополит Вениамин (Федченков) отзывался как об одном из самых образованных людей, каких видел на своем веку. Страница эта окончательно стала прошлым лишь с уходом из жизни Ирины Комиссаровой-Дурылиной. Ведь за четверть века совместной жизни, в обстоятельствах, отягченных гонениями за веру и инакомыслие, «Ариша», как ласково называл её Сергей Николаевич, стала с ним единым целым. Он называл это состояние «единодыханием», а её звал своим «ангелом-хранителем» и «ниточкой, привязывающей его к жизни». Великий Борис Пастернак писал Ирине Алексеевне: «...мне кажется, что в жизни Сергея Николаевича, истонченной и одухотворенной до хрупкости, Вы были добрым гением, везением и дуновением радости и здоровья». После смерти мужа и духовного наставника Ирина Алексеевна, пережившая его на 22 года, сделала всё для увековечивания памяти Дурылина: собрала воспоминания о нём, добилась открытия в Болшево библиотеки его имени и переименования улицы, на которой она стоит, в его честь, а также издания многих его книг и статей. Исполнив всё это, она упокоилась рядом с ним на московском Даниловском кладбище.

Судьба каждого из них до встречи, как и история их взаимоотношений, — темы, тянущие по объёму и значению не на газетную полосу, а на внушительный фолиант. В нескольких солидных изданиях они уже описаны (например, в вышедшей в 2015 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ книге В. Н. Тороповой «Сергей Дурылин»). Мне же придётся вместить эту тему в пару страниц, надеясь, что заинтересованные читатели легко найдут в век интернета более подробные источники.

Сергей родился в 1886 году в семье уважаемого московского купца Николая Зиновьевича Дурылина. Мать его, Анастасия Васильевна, по семейному преданию, была незаконнорожденной дочерью одного из князей Дашковых. Сергей рано проявил себя как талантливый литератор, сотрудничал с издательствами и различными журналами, вёл частную педагогическую практику (среди учеников — Игорь Ильинский, Кирилл Пигарев — правнук Ф. И. Тютчева и другие). В 1910-1914 годах С. Н. Дурылин учился в Московском Археологическом институте; темой его выпускной работы стала иконография Святой Софии.

С осени 1912 года и вплоть до закрытия в 1918 году Сергей Николаевич был секретарём Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва. С 1913 года он ежегодно ездил в Оптину пустынь и хотел постричься в монахи, но оптинский старец Анатолий посчитал, что он не готов к этому. В 1919 году Сергей переселился в Сергиев Посад, где занимался описью лаврских реликвий XVII века и готовился к принятию монашества. В марте 1920 года, по благословению оптинского старца

С.Н. Дурылин и И.А. Комиссарова-Дурылина. Конец 1930-х годов. Болшево

Анатолія (Потапова) и московского старца Алексия Мечёва, был рукоположен в celibатные священники. Служил в Церкви Николая Чудотворца в Клённыхках под руководством отца Алексия Мечёва (ныне прославленного в лике святых). Здесь и произошла одна из главных встреч в его жизни — с Ириной Комиссаровой.

Она родилась 18 мая 1899 года в деревне Сытино на Смоленщине. Девочке не было и восьми, когда умерла мать, оставив ещё 7-летнюю Полю и годовалую Шурочку. После смерти жены отец стал на зиму брать Аришу в Москву, где служил истопником в барском доме. В 13 лет она уже сама стала зарабатывать — поначалу «на побегушках».

К 1920 году Ирина работала в «Москвотопе» и состояла в сестринской общине, организованной в 1919 году протоиереем Алексием Мечёвым. Её целью была помощь бедствующим и больным (в том числе — тифом!) членам прихода. «Как-то нас не пугало тогда ничего, и достаточно было одного слова Батюшки: “Надо им помочь, и они поправятся”, и шли с его благословения...» — вспоминала она.

Помимо службы в храме священник Сергей Дурылин после вечерни проводил беседы, занимался с детьми и в Народной Духовной Академии в Богословском переулке, читал лекции.

На эти беседы и лекции ходила и Ирина Комиссарова. Наделённая природным умом и любознательностью, но окончившая всего два класса сельской школы, она страстно тянулась к знаниям и сразу поняла, какую помощь в этом ей может оказать отец Сергей, умевший доходчиво объяснять сложное. По-человечески она жалела его: крайне беспомощный в бытовом отношении, батюшка страдал от голода и холода.

Увидев однажды, как Сергей Николаевич упал в голодный обморок, Ирина начала его подкармливать оставшейся в столовой «Москвотопа» ржаной кашей. А он давал девушке советы, важные для её духовного и культурного развития. Их отношения становились всё теплей и доверительнее. Ирина Алексеевна вспоминала свой разговор с отцом Сергием, в котором он признался: «Когда мама скончалась, точно...сердце вынули у меня, так мне было тяжело. Начала моя душа метаться и искать утешения в жизни. Вот я и протягиваю тебе руку теперь, как к матери. Она только меня понимала».

— Я улыбнулась, сказав: — «Плохую вы мать избрали, я ведь еще очень молоденькая ... какая я буду мать вам!»

— Душа у тебя материнская, а я её ищу».

В 1921 году отец Сергей был назначен настоятелем в Боголюбскую часовню (позже разрушенную) у Варварских ворот Китайгородской стены. В 1922 году началось изъятие церковных ценностей. Отец Сергей воспротивился произволу, и 12 июля 1922 года был арестован, как

«элемент, политически, безусловно, вредный для Советской власти». Пять месяцев длилось заключение во Владимирской тюрьме.

Из тюрьмы он писал ей: «Дорогое, о Господе, возлюбленное чадо моё духовное Ирина!.. Если придётся мне ехать в дальний край, то одного человека я хочу видеть около себя и одного зову с собою — ТЕБЯ. Я чувствую тебя родною себе, близкою, дорогою. От тебя я видел всегда одну преданность и верность, — мало того, понимание меня. Ты — мне друг, и всегда в твоих словах вижу духовную заботу обо мне, самое горячее желание блага мне. Никому я не дам стать на твоё место около меня. Оно твоё — и только твоё. Ты — родной, никем нигде и никогда незаменимый человек».

Затем — ссылка в Челябинск, где до 1924 года С. Н. Дурылин заведовал археологическим отделом Челябинского музея. В ссылку эту Ирина последовала за ним. Благословение на этот, без преувеличения, подвиг, Ариша получила от отца Алексия Мечёва, сказавшего: «Поезжай с ним, помоги ему, он нужен людям!». И эти слова духовного наставника, скончавшегося в 1923-м, стали девизом всей её последующей жизни.

Как много было ещё гонений и испытаний: новые аресты и тюрьма (в Бутырке, в 1927-м году, он написал посвящённые ей удивительные поэтические строки стихотворения «Сентябрь золотоносный...»). Был этап, ссылки в Томск и Киржач, неустроенность быта, безденежье и частые болезни слабого здоровьем Сергея Николаевича (да и Ирине после уральской ссылки пришлось лечиться от туберкулёза). Была гигантская интеллектуальная работа С. Н. Дурылина, сотни страниц книг и статей по всем направлениям его разносторонней культурно-просветительской деятельности. И была духовная дочь Ирина, окружившая его человеческим теплом, создававшая «уют на краю пропасти», ставшая для него матерью, другом, музой, хозяйкой дома, секретарём, женой и — ученицей. Талантливому педагогу нравилось заниматься образованием умной, оригинально мыслящей и жадной до знаний Ирины.

Перед возвращением в Москву из Киржача Сергей Николаевич предложил ей оформить юридический (гражданский) брак: так проще было иметь дело с властями и с окружающими. Свидетельство о браке, выданное ЗАГСом 29 июля 1933 года, ничего не изменило в их отношениях. Валерия Дмитриевна Пришвина в книге «Невидимый град» писала: «Было известно, что они теперь жили вместе, и, как круги по воде, расходились и множились разговоры о том, что, переступив через обеты, они живут теперь как муж и жена. Кто знал об их подлинной жизни и подлинных отношениях? Конечно, они полюбили друг друга, потому что, перетерпев пересуды и осуждение, вместе дожили до старости. Знаю, что в их доме оставался образ Спасителя, и никогда не угасала перед ним лампада». Пришвина говорит «о возможности любви двух людей — мужчины и женщины, сохраняющих чистоту друг друга, но живущих рядом», и делает предположение: «Может быть, это были уже знаки нового времени... — монашество в миру».

Великая труженица, всю жизнь спавшая по 4-5 часов в сутки, выглядела Ирина всегда очень скромно. «По одежде и причёске, — вспоминает Виктория Николаевна Торопова, — её можно было принять за деревенскую. Однако комплекс неполноценности она абсолютно не страдала: просто и естественно чувствовала себя среди художников, литераторов, актёров, музыкантов, философов, окружавших Сергея Николаевича».

Особенно интенсивное общение с друзьями Дурылина началось для Ирины осенью 1936 года,

когда построенный её стараниями дом в Болшево открылся для гостей. Кто тут только не бывал: Михаил Нестеров, Роберт Фальк, Павел Корин, Святослав Рихтер, Надежда Обухова, Василий Качалов, Евдокия Турчанинова и ещё многие выдающиеся люди, в том числе и священники. О хозяйке гостеприимного болшевского дома все вспоминали с благодарностью. И после смерти хозяина в доме по-прежнему бывало много гостей: приезжали на лето поправить здоровье свои или старых родителей.

А ушёл из жизни Сергей Николаевич 27 сентября 1954 года. Перед смертью сказал Ирине, что хоронить его она может, на её усмотрение, или как мирянина, или как священника. Она похоронила как мирянина: сочинения священника в то время не позволили бы печататься...

У неё хватило силы духа не впасть в отчаяние, не опустить руки и сделать всё ради его памяти... Даже после смерти Ирины Алексеевны в 1976 году созидательная её воля не перестала действовать: Дом-музей С.Н. Дурылина в Болшево ныне — одна из главных достопримечательностей нашего города, был открыт благодаря трудам её младшей сестры Александры в 1993 году.

Сто двадцать лет со дня рождения — цифра солидная, однако, благодаря тому, что Ирина Алексеевна была открыта к общению, в том числе и с молодёжью, мы можем побеседовать с людьми, помнящими её лично. Одна из них — жительница Костино **Нина Андреевна Полукарова**, сделавшая многое для того, чтобы этот юбилей в Королёве не прошёл незамеченным. Вот что Нина Андреевна рассказала в интервью нашему изданию:

— В 1964 году меня перевели из профкома, где я работала, в исполком. Мне тогда было 26 лет. Буквально через две недели ко мне на приём пришла женщина, невысокая, скромно одетая, но с удивительно лучезарными глазами. Это была Ирина Алексеевна Комиссарова-Дурылина. Я тогда понятия не имела ни о доме Дурылина, ни о самом Сергее Николаевиче. Но Ирина Алексеевна была так убедительна, что я поняла: нужно познакомиться ближе и понять, что это за явление. И стала бывать в их доме. Ирина Алексеевна в течение десяти лет после смерти мужа билась за открытие библиотеки (о музее ещё речи не шло). Когда они переехали в Болшево, библиотеки поблизости не было, и их дом фактически стал выполнять эту роль для местных жителей. Стала очевидной необходимость открыть тут официальную библиотеку. Ирина Алексеевна добивалась этого. Помещения сперва предлагали маленькие, убогие «сараюшки». Ценнейшие книги, переданные Ириной Алексеевной и собранные у друзей для библиотеки, часто были привезены ею на собственной спине, в рюкзаке, из Москвы. Зачастую при этом ей приходилось от Мытищ идти пешком по шпалам, так как электрички до Болшево были редки. Так Ирина Алексеевна открыла первую библиотеку. Потом её перевели в хорошее помещение, туда, где сейчас церковно-приходская школа. Вверху был бошевский поссовет, а на первом этаже — прекрасная библиотека. Затем её перевели в нынешнее деревянное помещение, которое сейчас находится в плачевном состоянии. Ирина Алексеевна продолжала поддерживать эту библиотеку морально и материально. Практически вся её семья и друзья дома были подключены к работе на библиотеку.

Моё знакомство с Ириной Алексеевной длилось 12 лет. За эти годы ей удалось многое: назвать улицу именем Дурылина, установить две памятные доски: одну на библиотеке, другую на доме. Неоднократно выпускались конверты с изображениями Сергея Николаевича. Организовывались публикации, в том числе и в Загорской церковной типографии. В Загорск Ирина Алексеевна ездила регулярно. Однажды они с сестрой Александрой Алексеевной взяли с собой и меня, чтобы познакомить с уникальным церковным музеем.

Ирина Алексеевна производила впечатление человека самоотверженного, труженицы, имеющей в жизни цель, которую необходимо выполнить. Иногда она обращалась ко мне, как

к представителю исполкома, с просьбами: устроить на отдых в Болшево её московских знакомых, достать кому-то место в детском саду. Но я никогда не слышала от неё ни одной просьбы для неё лично. От общения с ней осталось ощущение очень чистого и бескорыстного человека. В её доме было установлено негласное правило: никаких отрицательных слов в адрес другого! Помочь она старалась любому, делая, чем могла, и этой помощью пользовались многие.

Ирина Алексеевна никогда не навязывала никому своих понятий или советов, повторяя: «Бог дал тебе разум, вот и думай!». Но когда к ней обращались за советом или помощью, проявлялась вся широта её души.

Её вера в Бога была созидательной. Верующими в семье были все, но о религии рассуждать было не принято. Болшевскую церковь обычно посещала Пелагея Алексеевна, средняя сестра. У неё там было «собственное» место, где она всегда стояла. Эти посещения были её душевным призыванием и обязанностью перед семьёй. Домашние её провожали, потом ждали, приготовив чай. Вернувшись, Полина Алексеевна рассказывала, как прошла служба. Приходила она очень спокойной и умиротворённой, как бы неся церковный свет в дом. Была там и комната Елены Григорьевны - монашки, спасавшейся у Дурылиных. Её комната была вся в иконах, перед которыми всегда горела лампадка. Икона была и в углу комнаты Ирины Алексеевны, которую сейчас называют «нестеровской». В доме веры в Бога не скрывали, но и не выставляли напоказ.

В преддверии юбилея нам удалось побеседовать также с **Викторией Николаевной Тороповой**, исследователем творчества Дурылина, его биографом, автором книги о Сергее Николаевиче в серии ЖЗЛ, статьи об Ирине Алексеевне в «Московском журнале», лауреатом литературной премии имени С. Н. Дурылина.

Вот что вспоминает Виктория Николаевна:

— Я познакомилась с Ириной Алексеевной в 1956 или 57-м году, в доме Нестеровых в Москве, на Сивцевом Вражке. Наталья Михайловна ежегодно 1 июня отмечала именины Михаила Васильевича, собирая друзей Нестерова. В тот раз приехали художники: братья Корины, Дементий Шмаринов, Порфирий Крылов из Кукрыниксов, был солист Большого театра Пантелеймон Норцов и другие. И вот вошла Ирина Алексеевна: простое крестьянское лицо, неприметная одежда, светлые волосы, зачёсанные назад под гребёнку. Конечно, она сильно выделялась на общем фоне приглашённых. Но с каким почтением и уважением все к ней обращались, как внимательно её слушали! Это сразу обращало на себя внимание.

Ирина Алексеевна была очень мудрая и добрая, никогда не унывающая, быстрая в движении; у неё в руках всё спорилось.

У неё, как и у Сергея Николаевича, была внутренняя потребность делать добро, и она его щедро дарила людям. Прекрасная душа, открытая миру. Когда нам с мужем негде было жить, она приютила нас в Болшево, и мы два года прожили одной семьёй. Тогда я вполне ощутила её материнское сердце, которое так ценил Сергей Николаевич.

Вера играла определяющую роль в доме Дурылиных. Там никогда не было не только ссор, но даже раздражения, повышенного голоса. Главной была доброжелательность к людям.

Иконы в советское время были за занавесками. Перед едой Ирина Алексеевна всегда уходила в кабинет мужа, закрывала дверь и молилась. Она научила меня молитвам «Отче Наш», «Богородица», а «Живые помощи» отпечатала на машинке и велела мне всегда носить с собой. В доме жила монахиня Феофания, называли её Елена Григорьевна, и ходила она не в монашеской одежде, а в обычном тёмном платье. Она мне подарила Библию, которую я позже передала музею. Елена Григорьевна ежедневно ходила в церковь, а Полина Алексеевна — по воскресеньям и праздникам. В доме соблюдались посты, отмечались церковные праздники.

В 1990-х много спорили на тему: слагал ли отец Сергей с себя сан священника? Этот вопрос теперь уже не стоит, он освещён всесторонне. Во-первых, извергнуть из сана может только высшая церковная власть, а этого не было, что уже проверено. Во-вторых, обнаружено много свидетельств, что отец Сергей в Москве тайно совершал службы. Об этом вспоминают Е. Н. Берковская в книге «Судьбы скрещенья», Е. А. Крашенинникова в книге «Храмы и пастыри», Е. А. Шиповская в книге «Исповедь рыцаря света» описывает, как отец Сергей венчал их с мужем. Сергей Чернышев, сын ученика С. Н. Дурылина Коли Чернышева, вспоминал, как в детстве он увидел в кабинете отца Сергея за занавеской антиминос, и тот строго-настрого запретил к нему прикасаться. Екатерина Юрьевна Гениева, директор Библиотеки Иностранной литературы, вспоминала, как отец Сергей причащал её у себя в болшевском доме. Наталья Михайловна Нестерова рассказывала мне, как отец Сергей в 1945 году венчал её с Фёдором Сергеевичем Булгаковым. Сергей Фудель приводит в своей книге слова епископа Стефана (Никитина), хорошо знавшего С. Н. Дурылина и Ирину Алексеевну: «Дурылин никогда и нигде не отрекался от Церкви и не снимал сана». В 1960-м году епископ Стефан (Никитин) пережил инсульт, и его, лежачего больного, привезли в Болшево к Ирине Алексеевне — на поправку. К ней многих привозили с такими целями. Она, не будучи медиком, не назначала своим гостям лечения, но сама обстановка высокой духовности в доме и простая добротная пища врачевали людей. И епископ Стефан, прожив в Болшево лето, ушёл своими ногами. К нему приезжали священники, оставались в доме ночевать и совершали службы. Об этом упомянуто в книге «Епископ Стефан (Никитин)» дьякона Дмитрия Пономаренко, вышедшей по рекомендации Издательского Совета Русской Православной Церкви. В этом издании 960 страниц, и немало из них посвящены С. Н. Дурылину.

Художник М. В. Нестеров, окончив портрет Сергея Николаевича в 1926 году, после первой ссылки С. Н. Дурылина, сказал ему: «Мы ведь сейчас на равных тяжело переживаем свой творческий путь, назову портрет «Тяжёлые думы». На картине отец Сергей изображён в облачении священника, поэтому портрет долгие годы хранился в белом чехле за спинкой дивана, и показывали его немногим избранным.

После смерти Сергея Николаевича сначала Ирина Алексеевна, потом её сестра Александра сдали в Троице-Сергиеву Лавру протоиерею Алексею Остапову, который в то время был заведующим Церковно-Археологическим Кабинетом, священническое облачение отца Сергея, антиминос, богослужебные книги. В архиве есть письмо Остапова к Ирине, где он передает ей благодарность патриарха за её подарок и обещает в скором времени приехать к ней.

В 2017 году в издательстве «Никея» вышла книга «Няня». Создана она по идее С. Н. Дурылина и включает большие фрагменты воспоминаний о его няне. Эта книга завоевала призовое место на конкурсе «Просвещение через книгу», проводимом Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Когда пришло время уезжать из киржачской ссылки, Сергей Николаевич сказал Ирине Алексеевне: «Давай распишемся в ЗАГСе, так будет проще и понятней для властей и окружающих». И они действительно оформили гражданский брак, но не венчались, поскольку он был celibатным священником, а она — монахиней в миру. Ирина Алексеевна была его духовной дочерью и они сохраняли сугубо духовные отношения, которые являют нам образец самого преданного христианского служения ближнему.

*Подготовила Елена Александрова
Фото из архива В. Н. Тороповой*

САМЫЙ СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

Радостным пасхальным настроением, как солнечным весенним светом, был насквозь пронизан праздник, прошедший 28 апреля в Воскресной школе нашего храма.

При подготовке к концерту старшие воспитанники школы проявили не только свои вокальные и артистические способности, но и дизайнерские таланты, украсив зал праздничными надписями и вырезанными из разноцветной бумаги фигурками с Пасхальной символикой. Под руководством педагога по ИЗО Олеси Вячеславовны Лапыниной над оформлением зала потрудились и ученики, и их родители, принявшие активное участие в подготовке к празднику. И, конечно, концерт не мог бы состояться без энтузиазма директора школы и педагога по пению Светланы Васильевны Ковтуненко.

Вела концерт педагог по Закону Божьему Екатерина Михайловна Бочарова.

Ребята исполнили как хорошо известные и любимые публикой песни: «Подмосковные вечера», «Волшебный цветок», так и редко исполняемые: «Будь со мною», «Огонёк добра» и другие. Прозвучали две песни, написанные на стихи педагога воскресной школы Натальи Владимировны Брусиловой: «У Бога нет времени — Вечность» и «Когда вы соберётесь...». Проникновенная религиозная лирика Натальи Владимировны, положенная на музыку Светланой Васильевной и озвученная чистыми детскими голосами, произвела на всех глубокое впечатление.

Замечательные стихи о Пасхе прочли Серафим Изотов, Миша Князев, Соня Андреева и Ксюша Суркова.

Юные музыканты — Соня Авдеева, Арина Никитина, Олег Коненков, Аня Сулла, — показали свои умения, исполнив классические произведения на пианино и гитаре. Песни «Чудо — выше всех чудес...» и «Аллилуйя», прозвучавшие в финале, вместе с хором дружно пел весь зал — от младших сестрёнок и братишек до бабушек и дедушек выступавших.

«Дети показали нам сегодня не только результаты большого труда и интереса к искусству, но и очень важное понимание того, что главное в душе — вера и любовь!» — так оценил услышанное настоятель храма отец Борис, поздравив всех собравшихся со Светлым праздником Пасхи.

По окончании концерта все участники получили в подарок аппетитные куличи и красочные детские книги. Затем дружно и весело пили чай за пасхальными столами.

Светлана Попова

Фото Владимира Стрковского

Просим ваших молитв и помощи в реставрации Усадьбы «Костино» и создании храмового комплекса Богородицержественского храма

Главный редактор: настоятель Богородицержественского храма протоиерей Борис Куликовский

Ответственный редактор: Светлана Попова

Дизайн, вёрстка: Александр Опалев

Адрес редакции: 141080, г. Королёв, Московская область, ул. Калининградская, д.1. Тел.: (498) 602-91-80. www.hramvkostino.ru

Подписано в печать: 13.05.2019

Отпечатано в ООО «МГС Ресурс». 141074 г. Королёв, ул. Пионерская, д.30, кор. 5. Тираж 300 экз. Объём 1 п.л. Печать цифровая.

Банковские реквизиты храма:

Получатель: Богородицержественский храм
ИНН 5018023872 КПП 501801001
ОСБ 2570 г. Королёв
Банк получателя:
Сбербанк России г. Москва
р/с 40703810240170100159
к/с 30101810400000000225
БИК 044525225

Газета издаётся с ноября 2008 г.

Не используйте это издание в бытовых целях и не выбрасывайте его.

Если этот номер вам стал не нужен, подарите его или принесите в храм.